

П.С. БОРОВКОВ
ЕКАТЕРИНБУРГ

КОНФЛИКТЫ МЕЖДУ ВЕРХОВНЫМИ ПОНТИФИКАМИ И ФЛАМИНАМИ В РИМСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ III–II ВВ. ДО Н.Э.

Согласно общепринятой оценке современных исследователей, эпоха классической Римской республики (вторая половина III – первая половина II в. до н.э.) характеризуется относительной стабильностью функционирования государственных институтов¹. Борьба между патрициями и плебеями практически закончилась, политические институты обрели четкий социально-правовой контур. Между тем о полной политической гармонии и отсутствии противоречий в системе властных структур *civitas* говорить не приходится. В частности, это касается и функционирования религиозной организации гражданской общины. В данной статье мы остановимся только на одном проявлении таких противоречий, а именно на конфликтах между верховными понтификами и жрецами отдельных богов (фламинами).

Фактов столкновений верховного понтифика с фламинами по поводу выполнения ими своих религиозных обязанностей не много. Согласно источникам, применительно к республиканскому периоду, известно только о трех подобных случаях (242 г. до н.э., 190 г. до н.э. и 131 г. до н.э.). Они чрезвычайно интересны тем, что фламины, участвовавшие во всех этих спорах, помимо жреческого сана занимали также одну из высших магистратур. Судя по всему, каждый из этих инцидентов привлекал особое внимание в рамках римской традиции. На это указывает то обстоятельство, что Ливий, приводя описание очередного такого столкновения, непременно вспоминает предыдущий казус, называет полные имена участников и подробные обстоятельства спора (Liv. XXXVII.51). Кроме того, информация о данных столкновениях попала также и в перихои книг Ливия (*Per.*XIX). Даже в эпоху Тиберия об

¹ MILLAR F. The political character of the classical Roman republic // JRS. 1984. Vol. 74. P. 1-2.

этих спорах еще не забыли. Они были живы в памяти и использовались в качестве прецедентов для вынесения принципом решений по аналогичным вопросам (Тас. *Ann.* III.71).

I

Вопрос о сущности и правовом характере столкновений великих понтификов с фламинами (являвшихся одновременно магистратами), в историографии детально еще не рассматривался. Тем не менее, нельзя сказать, что исследователи полностью обходили эту проблему стороной. Так А.М. Сморгчов отмечает, что данные столкновения и противоречия имели исключительно внутривреческий характер². Такая точка зрения выглядят вполне обоснованной, поскольку действительно формальная причина конфликта заключалась в том, что фламин пренебрегал своими прямыми жреческими обязанностями. Великий понтифик, в свою очередь, принимал соответствующие меры (в виде штрафной санкции), чтобы воспрепятствовать этому³. Как справедливо отмечается в историографии, у нас нет прямых и ясных свидетельств о том, что верховные понтифики имели возможность отдавать непосредственно приказы магистратам и штрафовать их за неповиновение⁴. Поэтому в данном случае, казалось бы, совершенно естественно интерпретировать этот конфликт как сугубо жреческий спор⁵.

Между тем, по своей юридической природе столкновения эти имели неоднозначный характер, и определять их как исключительно внутривреческие следует очень осторожно. Внимательное прочтение источников показывает, что субъектами в данных конфликтных ситуациях являются, с одной стороны, великий понтифик, с другой стороны – магистрат, а не великий понтифик и фламин. Это хорошо видно на материале, представленном Ливием (XXXVII.51.3-4). Древний автор раскрывает подробности противостояния следующим образом: «До того как преторы отправились по провинциям, между великим понтификом Публием Лицинием и фламинном Квирина Квинтом Фабием Пиктором возник <...> спор. Публий Лициний не отпустил претора, собиравшегося на Сардинию. Борьба шла с большим упорством в сенате, в народном собрании: обе стороны осуществляли властные приказания, брали зало-

² СМОРГЧОВ А.М. Коллегия понтификов и гражданская община (IV–II вв. до н.э.) // Религия и община в Древнем Риме. М., 1994. С. 58.

³ LATTE K. *Römische Religionsgeschichte*. München, 1992. S. 401-403.

⁴ WISSOWA G. *Religion und Kultus der Römer*. München, 1902. S. 441.

⁵ СМОРГЧОВ А.М. Коллегия понтификов... С. 58.

ги, назначали штрафы, обращались к трибунам и к народу»⁶. Бросается в глаза, что обе стороны употребляют власть (*imperia inhibita*)⁷, обращаются в сенат и назначают штрафы (*multae dictae*). Таким образом, можно с уверенностью сказать, что фламмин Квирина действует в данной ситуации не как жрец, а исключительно как магистрат, с опорой на преторский империум. В противном случае не объяснить, на каком основании фламмин, занимающий подчиненное положение по отношению к великому понтифику, мог отдавать приказания, обращаться в сенат и налагать штраф на главу понтификальной коллегии⁸.

Й. Бляйкен определяет сущность этого конфликта как коллизию сакрального (*sacrum*) и публичного права (*publicum*)⁹. При этом, выразителем жреческих интересов является великий понтифик, а представителем публичного права – претор. Такая оценка справедлива, поскольку в ее рамках данный конфликт трактуется не как сугубо жреческий, а как спор, затрагивающий и политические и религиозные институты¹⁰. Однако хотелось бы отметить, что противопоставление публичного и сакрального права несколько не соответствует сущности римской *цивitas*. Интересы религиозного и политического (светского) характера были настолько слиты и столь тесно взаимодействовали, что разделять их на отдельные сферы не представляется возможным. Такой синтез иногда определяется в исследовательской литературе как публично-божественно-правовой механизм принятия государственных решений¹¹.

⁶ «Praetorem hunc, ne in Sardiniam proficisceretur, P. Licinius tenuit. et in senatu et ad populum magnis contentionibus certatum, et imperia inhibita ultro citroque et pignera capta, et multae dictae, et tribuni appellati, et proouocatum ad populum est».

⁷ «Осуществляя властные приказания» – словосочетание употреблено во мн.ч., из чего следует, что приказы исходили с той и с другой стороны, кроме того, в начале предложения Ливий замечает, что стороны осуществляли все действия «взаимно, с той и с другой стороны» (*ultro citroque*).

⁸ У фламмина Квирина определено не было таких прерогатив, тем более в отношении верховного понтифика. Право же обращаться в сенат, вероятнее всего, имелось только у фламмина Юпитера, который обладал особым священным статусом и магистратскими инсингиями. См.: FOWLER W.W. The strange history of a flamen Dialis (Note on Livy XXVII.8) // CR. 1893. Vol. 7. P. 195; VANGGAARD J.H. The flamen: a study in the history and sociology of roman religion. Copenhagen, 1988. P. 61.

⁹ BLEICKEN J. Oberpontifex und Pontifikalkollegium // Hermes. 1957. Bd. 85. S. 350.

¹⁰ Ibid.

¹¹ ДЕМЕНТЬЕВА В.В. Римское «божественное право»: проблема содержания понятия *fas* // Tabularium. Труды по антиковедению и медиевистике. М., 2003. Т. 1. С. 14.

Формулировка может быть не совсем удачная, но она отражает суть государственной реальности в республиканском Риме. Дело в том, что сакральные установления, определяющие функции жрецов, правила общественного культа относились именно к публичному праву¹². Также и жрецы считались лицами публичного права (Cic. *De domo*. 34)¹³.

Религиозные правила, пронизывающие жизнь полиса, самым непосредственным образом касались интересов всего гражданского коллектива. Такое положение дел нашло отражение, как в государственной практике, так и в правовой теории древних римлян. В данном случае уместно привести знаменитую сентенцию Ульпиана (Dig. 1.1.1.2.), раскрывающую содержание публичного права: «Публичное право состоит из (права) жертвоприношений, жрецов и магистратов» (*Publicum jus in sacris, in sacerdotibus, in magistratibus consistit*). Современные исследователи отмечают, что эта формула, вероятно, восходит еще к разработкам жрецов классической цивитас (приблизительно III в. до н.э.)¹⁴. Представляется, что в этот период такое понимание публичного права появилось неслучайно, а имело фактическое подкрепление в государственной жизни. Применительно к нашим казусам важно отметить, что и положения о магистратах, и положения о жрецах отнесено Ульпианом к публичному праву. Поэтому правильнее будет охарактеризовать суть данных столкновений, как конфликт магистратского и жреческого права в рамках единой публично-правовой сферы.

Рассмотрим теперь, каким образом разрешались эти публично-правовые споры. Теоретически данные казусы могли быть решены исключительно на основе власти верховного понтифика¹⁵, который согласно источникам полностью контролировал и регламентировал деятель-

¹² SINI F. Documenti sacerdotali di Roma antica. Sassari, 1983. P. 213-214; ROBINSON O.F. The sources of the Roman Law. L., 1997. P. 2-5.

¹³ В данном случае приведем слова Цицерона, выступившего с речью на заседании жреческой коллегии, которые ясно указывают на статус понтификов: «Я говорю пред понтификами, авгуры здесь; я пребываю среди публичной власти» (*Dico apud pontifices ... versor in medio iure publico*).

¹⁴ SINI F. Documenti sacerdotali di Roma antica. P. 213-214.; WIEACKER F. Doppel-exemplare der Institutionen Florentins, Marcians und Ulpian // *Mélanges De Visscher*. Vol. II. Bruxelles, 1949. S. 585.

¹⁵ Пример такого способа разрешения ситуации можно наблюдать в случае с Тиберием, и хотя дело слушалось в сенате, все же заключение по нему вынес сам принцепс, используя свои prerogative главы понтификальной коллегии (Tac. *Ann.* III.59; 71). Если верить Тациту, аналогичным образом поступал и Октавиан Август (*ibid*).

ность фламинов (на это указывает и то обстоятельство, что верховный понтифик самостоятельно определял кандидатов и проводил выборы фламинов)¹⁶. На первый взгляд, так и произошло в 242 г. до н.э. Валерий Максим сообщает (1.1.2): «Действительно, великий понтифик Метелл не позволил наложением штрафа консулу и одновременно фламину Марса Постумию, собиравшемуся отплыть вести войну в Африку, покидать города, дабы не были оставлены им священнодействия. Так высший империи подчинился благочестию, ибо сам Постумий не рассматривался в безопасности, ведя сражения посвященные Марсу, удалившись при этом от священнодействий»¹⁷. Анализ структуры предложения у Валерия Максима и отдельных слов в нем показывает, что в данном случае автор следует Ливию¹⁸ (тот же глагол в перфектной форме *passus non est*, герундивный оборот *ad bellum gerendum*, да и сама структура предложений и последовательность их членов, особенно в самом начале, практически полностью совпадают). Однако в периодике XIX книги Ливия тоже ничего не говорится о вмешательстве комиций. Конечно, подробный рассказ о процессе разрешения конфликта вряд ли мог быть помещен в краткий обзор событий. Между тем, Валерий Максим достаточно подробно изложил ситуацию, поэтому вполне обоснованно было бы предположить, что и Ливий не упомянул об участии народного собрания в этом деле.

Однако, прежде чем поставить в этом вопросе точку, обратимся ко второму известному нам эпизоду (Liv. XXXVII.51). В 190 г. до н.э. верховный понтифик запретил фламину Квирина и одновременно претору Фабию Пиктору отправиться в свою провинцию. Примечательна предварительная ремарка Ливия: «... между верховным понтификом Публием Лицинием и фламином Квирина Квинтом Фабием Пиктором возник

¹⁶ Gell. XV.27.1; Liv. II.2.2. См. также: СМОРЧКОВ А.М. Коллегия понтификов... С. 59-60; МОИР К.М. The epitaph of Publius Scipio // CQ. 1986. Vol. 36. P. 265.

¹⁷ «Metellus vero pontifex maximus Postumium consulem eundemque flaminem Martialem ad bellum gerendum Africam petentem, ne a sacris discederet, multa dicta urbem egredi passus non est, religionique summum imperium cessit, quod tuto se Postumius Martio certamini commissurus non uidebatur caerimoniis Martis desertis».

¹⁸ «Цецилий Метелл верховный понтифик не позволил консулу Постумию удалиться от жертвоприношений в городе, поскольку тот, являясь одновременно фламином Марса, собирался отплыть на войну». (Caecilius Metellus, pontifex maximus, A. Postumium consulem, quoniam idem et flamen Martialis erat, cum is ad bellum gerendum proficisci uellet, in urbe tenuit nec passus est a sacris recedere).

такой спор, какой был на памяти их отцов между Луцием Метеллом и Постумием Альбином»¹⁹. В данном случае Ливий ясно дает понять, что подобный конфликт второй по счету из известных ему. Употребленный им термин *certamen* («спор») наводит на мысль, что Валерий Максим сообщил далеко не всю информацию – конфликт между Метеллом и Постумием все-таки был. Термин *certamen* ясно указывает на столкновение и борьбу²⁰. Применительно к государственной практике данное слово означает «состяжание за что-либо» (например, за магистратуру), «спор», «тяжбу», причем не в смысле борьбы без правил, сражения, а именно спора в определенных правовых рамках и границах (отсюда и устойчивое выражение *certamen juris* – «юридический спор»)²¹. Кроме того, используемый Ливием эпитет *quale* (здесь в значении «такой же как») определенно показывает, что конфликт носил аналогичный характер и, скорее всего, разрешался по схожему юридическому сценарию. Все это заставляет предполагать, что Валерий Максим передал далеко не все подробности рассказа Ливия.

Здесь необходимо сделать небольшой экскурс в эпоху, когда Валерий Максим создавал свое сочинение, то есть в период принципата Тиберия. Тацит сообщает о любопытном эпизоде, связанном с фламинном Сервием Малугинским, являвшимся одновременно консулом. Сервий просил допустить его к управлению провинцией Азия (несмотря на то обстоятельство, что он, как фламин Юпитера, не имел права покидать пределы Италии), которая должна была достаться ему согласно правилу очередности²² (Тас. *Ann.* III.58.) В деле Сервия Малугинского Тиберий в обоснование своего решения обратился именно к казусу Цецилия Метелла, приведя его в качестве примера предков: «... вспомнили и о случае с великим понтификом Луцием Метеллом, не отпустившим из Рима Авла Постумия» (Тас. *Ann.* III.71). Тиберий как великий понтифик решал дело единолично, и, естественно, никакого вмешательства комиций в процесс принятия решения даже не предполагалось. Тиберию, конечно, не понадобилось определять штраф фламину (как это было в случае с Метеллом), чтобы удержать его в Риме. Однако почему Тиберий

¹⁹ «Certamen inter P. Licinium pontificem maximum fuit et Q. Fabium Pictorem flaminem Quirinalem, quale patrum memoria inter L. Metellum et Postumium Albinum fuerat».

²⁰ Oxford Latin Dictionary. Oxford, 1968. P. 303 (s. v. certamen).

²¹ Vocabularium jurisprudentiae Romanae. Berolini, 1933. T. I. S. 717 (s. v. certamen).

²² Бобович А.С. Комментарии к «Анналам» // Тацит Публий Корнелий. Анналы. Малые произведения. История. М., 2003. С. 822.

в качестве прецедента использовал именно казус Постумия -- понять можно. Сама фигура великого понтифика Луция Метелла уже в античной литературе была овеяна ореолом святости, неукоснительного авторитета и славой защитника религиозных святынь²³. Кроме того, по известности и популярности Метелла среди верховных понтификов периода республики можно поставить в один ряд с Тиберием Корунканием. Образ Метелла, видимо стал неотъемлемой частью культурно-исторической памяти римлян²⁴.

Безусловно, Валерию Максиму был известен казус Сервия Малугинского как, вероятно, и то обстоятельство, что принцепс ссылался в его разрешении на пример Луция Метелла. В период, когда Валерий Максим создавал свое произведение (первая книга была написана предположительно в 28 г. н.э.²⁵), дело Сервия (22 г. н.э.) было еще свежо в памяти современников. Труд Валерия Максима, как сборник достопамятных примеров, предназначался главным образом для риторических целей (в том числе для судебной риторики) и был рассчитан на широкую аудиторию²⁶. Учитывая, что Валерий Максим был более чем лоялен по отношению к Тиберию, на что прямо указывает посвящение во введении и ряд других мест в основной части сочинения²⁷, нетрудно догадаться, в каком свете он мог представить казус Метелла и Постумия. Умолчание о конфликте и об участии комиций было вполне естественным в данной ситуации, поскольку они явно были неуместными, учитывая то, как решал аналогичного рода дела Тиберий. Тем не менее, Валерий Максим сделал это довольно изящно, дав легкий намек, что народное собрание все же было задействовано в этом споре. Это видно из следующей фразы: «... ибо сам Постумий не рассматривался в безопасности, ведя сражения посвященные Марсу, удалившись при этом от

²³ Смирнова О.П. «VIRGO TACITA» // ВДИ. 2005. № 1. С. 173.

²⁴ SZEMLER G. J. The priest of the roman republic: a study of the interactions between priesthood and magistracies. Bruxelles, 1972. P. 85. Метелл по частоте упоминания античных авторов и героических историй, связанных с ним является лидером среди великих понтификов периода классической Республики. У того же Валерия Максима Метелл несколько раз предстает в образе великого понтифика в патетическом свете.

²⁵ Альбрехт М. фон. История Римской литературы от Андроника до Боэция и ее влияние на позднейшие эпохи. Т. II. М., 2004. С. 1170.

²⁶ Там же. С. 1171-1174.

²⁷ HONSTETTER R. Exemplum zwischen Rhetorik und Literatur. Konstanz, 1977. S. 50-54; BLOOMER W.M. Rec. ad: Skidmore C. Practical ethics for roman gentlemen: the work of Valerius Maximus // CR. 1998. Vol. 48. P. 52-54.

священнодействий»²⁸. Хотя прямо не называется, кто именно не мог считать Постумия в безопасности, можно предположить, что под субъектом действия здесь подразумевается народное собрание. Более того, в этом же фрагменте сообщается, что Постумий был обложен штрафом, а из аналогичных случаев мы знаем, что после этого магистрат апеллировал в комиции (Liv. XXXVII.51; Cic. *Phil.* XI.VIII). На участие комиций в споре 131 г. до н.э. между великим понтификом Лицинием Крассом и фламином Марса Луцием Валерием прямо указывает Цицерон, причем из пассажа видно, что окончательное решение по делу принадлежало именно народному собранию (Cic. *Phil.* XI.VIII).

Таким образом, можно заключить, что во всех известных нам случаях принимало участие народное собрание. Какую же роль играли комиции при разрешении данных столкновений?

Очевидно, что вовлечению комиций в урегулирование конфликтов способствовала апелляция фламинов (магистратов) по поводу наложенного штрафа. Однако штраф, как представляется, имел второстепенное значение. Необходимо прояснить вопрос о том, какую цель преследовал великий понтифик, назначая штраф непокорному жрецу. Так Валерий Максим сообщает, что «Метелл ... не позволил (посредством) наложения штрафа покидать Город» (*Metellus ... multa dicta urbem egredi passus non est*). В данном случае видно, что штраф является лишь инструментом удержания в подчинении фламина, а не самой целью (как наказание). Иными словами, если фламин подчинился бы, то штраф не вступил бы в силу. То, что он был лишь угрозой, а не реально вступившей в силу санкцией, отчетливо следует и из сообщения Цицерона (Cic. *Phil.* XI.VIII): «Консул и верховный понтифик Красс назначил бы штраф коллеге Флакку, фламину Марса (который вступил бы в силу), если бы он (фламин) отлучился от жертвоприношений» (*Crassus consul, pontifex maximus, Flacco collegae, flamine Martiali, multam dixit, si a sacris discessisset*). Согласно той грамматической форме, которую употребляет в данном случае Цицерон (условное предложение третьего ирреального типа)²⁹, штраф превратился бы в санкцию только в том случае, если бы фламин не подчинился понтифику и пренебрег бы своими обязанностями.

²⁸ Val. Max. I.1.2.: «... quod tuto se Postumius Martio certamini commissurus non uidebatur caerimoniis Martis desertis».

²⁹ «... multam dixit, si a sacris discessisset». При этом сказуемое аподосиса выражено через перфект, а протасиса – через плюсквамперфект, что указывает на то, что штраф должен был вступить в силу только в том случае, если бы фламин не подчинился понтифику и оставил бы священнодействия.

ми в сфере священнодействий. Следовательно, основная причина обращения в комиции заключается в ином. Ливий приводит структуру постановления народного собрания: «фламину было приказано подчиниться решению понтифика (*dicto audiens esset flamen pontifici iussus*), но согласно велению народа штраф был снят с него (*et multa iussu populi ei remissa*)». Таким образом, из структуры постановления четко просматривается, что основным вопросом, поставленным перед комициями, был не вопрос о штрафе, а вопрос о юридической силе и обоснованности запрета (приказа) понтифика. В основе всего этого лежала проблема, связанная с тем, что обладает приоритетом – обязанности магистрата или функции фламينا. Кроме того, инициатором обращения к народному собранию необязательно был магистрат (фламин), с данным обращением мог выступить и сам верховный понтифик. Ливий отнюдь неслучайно оговаривает, что обе стороны обратились в комиции (Liv. XXXVII.51). Вполне возможно, что фламин ходатайствовал перед комициями по поводу снятия штрафа, верховный же понтифик – об утверждении своего приказа.

Закономерно возникает вопрос о положении верховного понтифика в данной ситуации. Почему великий понтифик оказывается не в состоянии разрешить спор, опираясь исключительно на свои властные prerogatives? Отчасти это можно объяснить некоторым ослаблением власти или, точнее сказать, авторитета главы понтификальной коллегии. В исследовательской литературе отмечается, что в конце III в. до н.э., наблюдается некоторое снижение авторитета коллегии понтификов³⁰. В частности, это выразилось в том, что в данный период коллегия теряет свои prerogatives в области гражданского судопроизводства, которые окончательно перешли в компетенцию городского претора³¹. Со своей стороны добавим, что неподчинение фламينا Квирина сакральным правилам и последующий за этим острый конфликт отчасти можно объяснить особенностью положения самого великого понтифика Публия Лициния. Обстоятельства его вступления в сан необычны. Вопреки всяким традициям он был выбран на высшую жреческую должность, будучи совсем молодым человеком, не отправив к этому времени ни одной курульной магистратуры (Liv. XXX.23). Традиционно верховный понтификат за-

³⁰ HALM D.E. Roman nobility and the three major priesthoods, 218–167 B.C. // Transactions and Proceedings of the American Philological Association. 1963. Vol. 94. P. 77-79; SZEMLER G.J. The priest of the roman republic... P. 182.

³¹ TELLEGEN-COUPERUS O. Pontiff, praetor, and *jurisdictio* in the Roman republic // The Legal History Review. 2006. Vol. 74/1. P. 42.

мещался уже весьма опытными и авторитетными государственными деятелями и был вершиной в их личном *cursus honorum*³². Поэтому нарушение традиции, безусловно, отразилось на статусе и авторитете главы коллегии понтификов. Молодой возраст и недостаток политического веса великого понтифика на момент выборов Лициния достаточно четко соотносится с аналогичным процессом в самой коллегии³³. В качестве причины этих изменений исследователи называют влияние последствий Второй Пунической войны, которая «выбила» из рядов коллегии наиболее опытных и авторитетных представителей политической элиты³⁴.

Тем не менее, стремление понтифика опереться на власть народного собрания свидетельствует не столько об ослаблении жреческой власти, сколько о качественном изменении ее юридической основы. Первоначально жречество представляло собой замкнутую группу, формирующуюся из представителей виднейших патрицианских фамилий. Власть жрецов базировалась главным образом на исключительной прерогативе патрициев на ауспиции и на праве вступать во взаимоотношения с богами от имени общины³⁵. Однако параллельно с процессом уравнивания прав патрициев и плебеев меняется и социально-правовая основа жреческой организации. После закона Огульния (300 г. до н.э.) жреческие коллегии уже не представляли из себя исключительно патрицианские (обособленные) органы власти, а являли собой общегосударственную структуру. Возможно, что этим законом и был заложен необратимый процесс трансформации жреческих органов власти, интеграции их в политическую систему *цивitas* по принципу коллегиальной, выборной магистратуры³⁶. Верховный понтифик, как наиболее сильная и влиятельная фигура среди жречества, первым подвергся этой трансформации. В III в. до н.э. верховного понтифика начинают выбирать на специальных комициях (прототип будущих жреческих комиций)³⁷. Тем самым, принцип внутрижреческой кооптации был заменен на принцип

³² CORBETT J.H. Metellus (cos. 251, 247), agrarian commissioner // CR. 1970. Vol. 20. P. 7-8.

³³ SZEMLER G.J. The priest of the roman republic... P. 182.

³⁴ TELLEGEN-COUPERUS O. Pontiff, praetor... P. 41-42; HALM D.E. Roman nobility... P. 77-79.

³⁵ MITCHELL K.E. Patricians and Plebeians. The Origin of the Roman State. L., 1990. P. 62.

³⁶ BEARD M. Priesthood in the Roman republic // Pagan priests: religion and power in the Ancient World. Ithaca, 1990. P. 20-27.

³⁷ TAYLOR L.R. The election of the pontifex maximus in the late republic // CPh. 1942. Vol. 37. P. 421.

выборности, что, безусловно, сблизило жреческий сан с магистратурой³⁸. Таким образом, изменение правовой основы власти верховного понтифика непосредственно отразилось и на механизме реализации его решений, которые теперь получили поддержку и со стороны народного собрания.

Помимо этого стоит заметить, что эпоха классической Республики – это период повышения значимости народного собрания³⁹. Круг дел, касающихся публично-правовых коллизий, непременно разрешался на комициях, компетенция которых не ограничивалась только вопросами войны и мира, законодательства и выборов магистратов⁴⁰. Конфликты с фламинами затрагивали проблему общегосударственного значения, поэтому участие комиций в их разрешении выглядит вполне естественным. В данном случае можно сказать, что комиции выполняли своего рода функцию «конституционного суда», подкрепляя своим решением базовый государственно-религиозный принцип полуса. Принцип, который в самом сжатом виде выразил Валерий Максим, резюмируя исход дела фламينا Марса Постумия: «... высший империум уступил (требованиям) религии» (Val. Max. I.1.2).

II

Если говорить о причинах возникновения этих конфликтных ситуаций, то следует отметить, что осмысление их можно уловить уже в античной историографии. Обратимся к уже упомянутому выше казусу Сервия Малугинского, фламينا Юпитера, имевшего право в качестве бывшего консула притязать на получение провинции (Tac. *Ann.* III.58). Тацит пересказывает аргументы фламينا в пользу возможности обойти сакральные ограничения. Среди доводов присутствует ссылка на то обстоятельство, что «некогда из-за личных раздоров великие понтификами воспрещали фламинам Юпитера отправляться в провинцию, но теперь, по милости богов, верховный глава понтификов – вместе с тем и верховный глава людей, и он выше соперничества, ненависти и личных пристрастий» (Tac. *Ann.* III.60). Таким образом, в интерпретации самого фламينا, переданной Тацитом, причина конфликтов имеет не религиозный характер, а кроется в личной неприязни и соперничестве между фламином и верховным понтификом. Насколько такое объяснение уме-

³⁸ SZEMLER G.J. The priest of the roman republic... P. 85; BEARD M. Priesthood in the Roman republic. P. 32.

³⁹ LINTOTT A. The Constitution of the Roman Republic. N.Y., 1999. P. 39.

⁴⁰ MILLAR F. The political character... P. 5-8.

стно? Естественно, что на первый взгляд оно кажется нелепым, но попытаемся понять логику рассуждений Сервия Малугинского. Обратимся к имеющимся в нашем распоряжении свидетельствам источников.

Примечательно, что во всех трех конфликтных ситуациях причина, из-за которой фламмин стремится покинуть Город – это желание жреца в качестве магистрата отправиться на войну или приступить к управлению провинцией (Val. Max. 1.1.2; Liv. XXXVII.51; Cic. *Phil.* XI.VIII). Отправление магистратуры в провинции естественно предполагало возможность для должностного лица не только добиться общественных почестей, славы, триумфа, но и лично обогатиться⁴¹. Магистраты, рассматривали вверенную провинцию как счастливый шанс, выпавший им по жребью⁴². Поэтому личная заинтересованность фламина приступить к отправлению магистратуры в провинции очевидна. Это четко прослеживается в случае с реакцией фламина Марса (и одновременно претора) на то, что он был оставлен народным собранием в Городе блюсти свои прямые жреческие обязанности. «В ярости из-за того, что у него отнята провинция, претор попытался отказаться от должности» (Liv. XXXVII.51.6). Отсюда видно, что для этого претора интерес представляли не магистратские обязанности как таковые, а возможность извлечь из них личную выгоду. Естественно, когда задуманное не состоялось, то и сама претура потеряла всякий смысл (Liv. XXXVII.51.6-7).

Таким образом, провинция являлась желанной добычей для магистрата, и борьба за нее могла легко породить конфликт между должностными лицами. Но это имело бы смысл только в том случае, если бы и верховный понтифик и фламмин одновременно являлись магистратами и претендовали на одну и ту же провинцию. В подтверждение такого предположения у нас имеются конкретные свидетельства Цицерона, упоминающего о ссоре между Лицинием Крассом (великим понтификом) и Луцием Валерием (фламином Марса), консулами 131 г. до н.э. (Cic. *Phil.* XI.8). В данном случае вполне можно усмотреть конфликт личного характера на почве борьбы за право проведения военной кампании на Востоке. Оба они являлись консулами и жрецами одновременно. При этом первый (Лициний Красс) успешно использовал власть верховного понтифика над фламином Марса для решения вопроса в свою пользу. Вполне возможно, что и в других эпизодах у великого понтифика были какие-то личные мотивы не отпускать фламина в провинцию,

⁴¹ NORTH J.A. Democratic politics in Republican Rome // Past and Present. 1990. № 126. P. 5-7.

⁴² MILLAR F. The political character... P. 3-4.

поскольку ставка была слишком значительной. При этом, следует оговориться, что великий понтифик до 131 г. до н.э. ни разу не покидал пределы Италии⁴³. Осмелился нарушить эту древнейшую традицию только Лициний Красс, погибнув вместе с армией на Востоке. Поэтому в период классической Республики не могло возникнуть ситуации, при которой великий понтифик и фламин претендовали бы на одну провинцию.

Подведем некоторые итоги. Личные разногласия, а точнее, личная заинтересованность, вполне могли выступать в качестве факторов, способствующих вспышкам данных конфликтов. В свете этого объяснение причин разногласий между великими понтификами и фламинами, которое приводит Тацит устами Сервия Малугинского, не лишено смысла и вполне имеет под собой историческую основу. Однако это не дает понимания глубинной причины появления череды подобных споров.

Отметим, что данные столкновения были возможны лишь потому, что они возникали не столько между понтификом и жрецом, сколько между понтификом и магистратом. Причиной же коллизии, по сути, являлся конфликт интересов между магистратскими и жреческими обязанностями. Очевидно, что именно соединение магистратуры и фламмината в руках одного лица и является причиной, вызывавшей спор. В историографии неоднократно отмечалось, что в Риме жречество не было отделено от магистратуры, и жрецы не выделялись как отдельное сословие⁴⁴. Такое положение вещей непременно должно было породить столкновения подобного рода.

Поэтому естественно будет обозначить в качестве общей причины, вызывавшей конфликтные ситуации, отсутствие правового механизма, регулирующего отделение жреческих должностных обязанностей от магистратур и – самое главное – отсутствие подобного механизма в отношении фламмината. Если запрет на совмещение жречества и магистратуры существовал в начальный период республики, как предполагают некоторые современные исследователи⁴⁵, то в интересующее нас время он потерял свою значимость. Между тем, в период Республики сан фламмина не являлся препятствием для политической карьеры⁴⁶ (не-

⁴³ SMITH W. Dictionary of Greek and Roman Antiquities. L., 1870. P. 942 (s. v. pontifex).

⁴⁴ PASTORINO A. La religione romana. Milano, 1973. P. 87; Чаплыгина Н.А. Введение // Религия и община в Древнем Риме. М., 1994. С. 11.

⁴⁵ СМОРЧКОВ А.М. Положение жречества в эпоху ранней республики // IVS ANTIQVVM. 1996. № 1. С. 43.

⁴⁶ TAYLOR L.R. Caesar's colleagues in pontifical college // AJPh. 1942. Vol. 63. P. 497.

которые трудности, видимо, возникали только для фламينا Юпитера)⁴⁷. Из известных нам лиц, занимавших эту жреческую должность, примерно половина достигла курульных магистратур⁴⁸. Поэтому совпадения в одном лице жреческого сана и магистратура не являлось исключительным феноменом. Однако противоречия не возникали ранее середины III в. до н.э. Как это можно объяснить?

Представляется, что немаловажным фактором, способствовавшим появлению противоречий между жреческими и магистратскими обязанностями, стало территориальное расширение Римской республики, ее выход на уровень средиземноморской державы. Это обстоятельство, в свою очередь, повлияло и на условия отправления магистратур. Шансы для фламينا в качестве магистрата или промагистрата надолго оказались вне пределов Города повысились в несколько раз.

Но основная причина, на наш взгляд, заключалась в другом. Фламины, вступая в столкновения с великими понтификами, рассматривали обязанности магистрата как приоритетные по сравнению со жреческими функциями. Кроме того, как мы выяснили, двигали ими зачастую не государственные интересы, а личная заинтересованность, жажда получить провинцию или провести военную кампанию, поскольку это предоставляло определенные возможности для обогащения. Совершение же фламинами жертвоприношений самым прямым образом были связаны с интересами всего гражданского коллектива. Служение богу, будь то Квирину или Марсу, было направлено на то, чтобы постоянно поддерживать и сохранять *pax deorum*⁴⁹. В проведении регулярных священнодействий и заключалась главная обязанность фламинив, которая определяла их особый почетный статус⁵⁰. Кроме того, для фламинив, видимо, принципиально важным было не отлучаться из Города. То, что сакральные обязанности фламينا рассматривались общиной как наиболее значимые, хорошо видно из решений комиций (Liv. XXXVII.51; Cic. *Phil.* XI. VIII).

Таким образом, можно с уверенностью сказать, что священнодействия фламинив являлись неотъемлемой частью публичного культа и отражали интересы всего гражданского коллектива, в том аспекте, в котором они затрагивали взаимоотношения с небожителями. В случае

⁴⁷ FOWLER W.W. The strange history... P. 195; MOIR K.M. The epitaph of Publius Scipio. P. 265.

⁴⁸ VANGGAARD J.H. The flamen: a study in the history... P. 12.

⁴⁹ Ibid. P. 10-11.

⁵⁰ Ibid. P. 11-12.

с фактами неповиновения фламиннов интересы общины приносились в жертву личным, корыстным устремлениям. Как справедливо отмечается в современной литературе, появление подобных тенденций являлось непосредственным предвестником кризиса *civitas*⁵¹. Развитие ярко выраженных индивидуалистических начал в римском обществе, личных мотиваций в процессе принятия общегосударственных решений приобретает широкий масштаб в период поздней Республики, но некоторые черты этого явления заметны уже с конца III – начала II в. до н.э.⁵² На наш взгляд, позиция фламиннов непосредственно свидетельствует о проявлении такого рода тенденций.

Итак, обозначим основные выводы. Конфликты между великими понтификами и фламинами имели сложный и неоднозначный характер. С одной стороны, их можно квалифицировать как столкновения, имевшие внутриреческую природу. На это указывает то, что формальным основанием для их возникновения была угроза несоблюдения фламинном его обязанностей в области священнодействий. Верховный понтифик пытался предотвратить подобное развитие ситуации. С другой стороны, выполнение фламинном обязанностей магистрата порождало конфликт интересов и выводило эти споры на уровень коллизий конституционно-го значения, затрагивавших базовый принцип функционирования государственно-религиозной системы римской *civitas*.

Здесь мы сталкиваемся с главным противоречием всей государственно-религиозной системы классической Римской республики. С точки зрения права религия имела абсолютный приоритет, а интересы богов, поскольку они касались благополучия всей общины, ставились превыше всего. Такая идея прослеживается в рассуждениях общего характера у различных древних авторов (наиболее ярко – Polyb. IV.56.6-9; Cic. *Nat. deor.* II.8; Verg. *Aen.* XII. 839); на уровне правового обобщения отражение этой идеи можно наблюдать в иерархии публично-правовых институтов, перечисленных Ульпианом)⁵³. С другой стороны, если проанализировать государственную практику, то обнаружится, что сакральные установления, религиозные правила постоянно приносились в жертву политическим интересам, а соблюдение их являлось не более чем обыч-

⁵¹ УТЧЕНКО С.Л. Политические учения Древнего Рима. М., 1977. С. 222-228.

⁵² MEIER CHR. *Res publica amissa. Eine studiere Verfassung und Geschichte der späten Römischen Republik.* Weisbaden, 1966. S. 150-165; PEROWNE S. *Death of the Roman Republic.* L., 1969. P. 20-35.

⁵³ Dig. I.1.1.2. Отметим, что на первом месте стоят именно жертвоприношения: «Publicum jus in sacris, in sacerdotibus, in magistratibus consistit».

ной формальностью. Однако решения народного собрания по делам о конфликтах между великими понтификами и фламинами – это редкий пример, когда идеал и право находили свое подтверждение в реальной государственной жизни. Между тем, ожесточенность споров и особенно позиция фламиннов при их разрешении демонстрируют негативную тенденцию, свидетельствующую о зарождении кризисных явлений в государственно-религиозной системе римского полиса.

P. S. BOROVKOV

JEKATERINBURG

KONFLIKTE ZWISCHEN DEN OBERSTEN PONTIFICES
UND DEN FLAMINES IN DER RÖMISCHEN REPUBLIK
DES 3.-2. JH.S V.U.Z.

Da die *flamines* in Rom neben ihrem Priestertum gleichzeitig die höchsten Ämter im Staat einnahmen, kommt der Autor zu dem Schluss, dass den Zusammenstößen der Interessenskonflikt zwischen Magistratsaufgaben und Priesterpflichten zugrunde lag. Dieser Umstand gab den Streitigkeiten einen öffentlich-rechtlichen Charakter, der über den Rahmen innerreligiöser Widersprüche hinausging. Im Zusammenhang damit war die Beilegung der Streitigkeiten nur unter Teilnahme der Volksversammlung möglich, deren Beschlüsse bestimmenden Charakter hatten. Die Beschlüsse der *comitia* zeugen vom Vorrang, den die Bürgerschaft den Priesterfunktionen gegenüber den Magistratsaufgaben in dem Fall gab, in welchem *magistratus* und *flaminatus* in einer Hand vereinigt waren.